

УДК 159.96

DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Социальный феномен предательства: психолого-политические аспекты личности предателя

Ложкарев Александр Игоревич

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России,
620062, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 22;
e-mail: lozhkarev952@mail.ru

Савич Игорь Иванович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии и гуманитарных наук,
Уральский институт Государственной противопожарной службы МЧС России,
620062, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 22;
e-mail: igor_savich66@mail.ru

Аннотация

В статье проведен обзор религиозных, нормативно-правовых, исторических и других научных источников по заявленной проблематике, проанализированы различные аспекты социального феномена «предательство». Демонстрируются значительные совпадения понятийных и образных признаков данного феномена в прошлом и настоящем. Анализируются результаты отечественных и зарубежных исследований, позволяющих найти ответ относительно причин, позволяющих человеку совершить предательство и находить оправдание за содеянное. Множественные смыслы и образные выражения социального феномена «предательство» рассматриваются на примерах Второй мировой войны и событий, происходящих в современной России. Делается вывод, что социальный феномен «предательство» является сложным социально нежелательным решением, сознательно принятым человеком в нарушение данной ранее клятвы, присяги или другого обязательства, отказ от которого провоцирует его на действия, связанные с необходимостью служить врагу, совершение поступков, способствующих созданию социально-психологической ситуации, основанной на измене самому себе, близким и своему сообществу; формирует в сознании личности психологически значимые каузальные атрибуции (изменяет «картину мира»), влияющие на последующие формы межличностных взаимоотношений как с ранее враждебным социальным окружением, так и с бывшими соотечественниками.

Для цитирования в научных исследованиях

Ложкарев А.И., Савич И.И. Социальный феномен предательства: психолого-политические аспекты личности предателя // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13. № 1А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Ключевые слова

Эпоха «тяжких времен», сотрудничество, служение врагу, коллаборационизм, предательство.

Введение

Социальный феномен сотрудничества или служения врагу (от фр. collaboration – коллаборационизм) получил однозначную оценку в общественном сознании – «предательство». К сожалению, подобное явление имело место быть не только в далеком прошлом, но и является значимой проблемой современности. Всем известно, что любое сотрудничество с врагом отвергается абсолютным большинством наших соотечественников, хотя некоторые сограждане считают, что предательство в значительной степени устарело и не соответствует современным представлениям «цивилизованной личности». Вместе с тем эта проблема продолжает оставаться актуальной и находится в фокусе внимания социально-политического цикла средств массовой информации, целого ряда научных дисциплин.

Социальный феномен «предательство» изучали Рахман, С. Московичи, Дж. Фрейд, Э. Фром, К.К. Платонов, Т.В. Безсолицина, А.Г. Здравомыслов, А.А. Драбкин, А.И. Уткин, О.Ю. Пленков, Н.С. Шилова, С.Д. Гуриева, Т.В. Безсолицина, К.М. Александров, Н.М. Коняев и другие ученые.

Проблема нашего исследования заключается в том, что чрезмерная ангажированность анализа и эмоциональная погруженность в исторические примеры служения врагу затрудняют объективность его понимания и выработку выводов о недопустимости «предательства» в настоящем.

Для реализации избранной цели мы проанализируем социально-психологические аспекты прошлого и настоящего, выявим причины, вызывающие желание «предать». Для этого будем использовать методы экстраполяции, полуструктурированное интервью, аналогии, анализ, синтез.

Основная часть

Наиболее ранние упоминания социального феномена «предательство» мы выявили в религиозных источниках: в христианской Библии и священной книге мусульман, Коране; иных священных текстах, в которых есть упоминание предательства как общественного явления и морально-нравственной категории.

Так, А.П. Лопухин в «Толковой Библии» приводит в качестве примера слова Иисуса Христа, который обращает внимание на способность человека к предательству: «всякий человек лож». Его современники связывают «предательство» с «тяжелыми временами», эсхатологическими (для человека) событиями. «Предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеют вид благочестия...». Возьмем, к примеру образ главного библейского предателя, сребролюбца Иуду [Лопухин, 2015]. Психологический контекст его предательства есть аллюзия (намек) личности вора, желающего убить.

В Коране [Коран, 2003] о «предательстве» говорится в Аяте 70, Суры 8, что это «нарушение закона любви Божией, нарушение его заповедей в отношениях между людьми...». В Суре 25, 29 указывается на то, что предательство является характеристикой сатаны, так как он является главным врагом человека.

Следовательно, суть предательства, его смысловое и нравственное восприятие в большинстве мировых религий имеет одно и тоже значение. Понимается как проявление зла к своему ближнему, отсутствие волевых качеств личности (О. Шпенглер). Расширение научного поиска личностных характеристиках социального феномена «предательство» приводит нас к оценкам, изложенным в Толковом словаре В. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова предательство ассоциируется с набором синонимических понятий: измена, вероломство, крамола, лукавство, душепродавство. То есть, как о низком поступке, нарушении верности [Полетаева, 2018, 28]. Их интерпретации формируют в сознании исследователя заведомо негативный образ – предателя как лжеца и обманщика, человека вероломного и бескомпромиссного, сребролюбивого, вора, непримиримого, немилостивого, прелюбодея, сластолюбца, развращенного, напыщенного и одновременно человека внешне незаметного и даже благочестивого.

Физиолог И.И. Павлов предательство называет «отклоняющимся от нормы» действием, детерминированным воздействиями нравственных требований внешней, авторитетной для него общности. Т.В. Безсолицина сопоставляет ряд метаморфоз анализируемого нами феномена в примерах русских норм права. Начиная с эпохи Иоанна Грозного, заканчивая советским периодом нашей истории.

Так, в Судебнике 1550 года, она пишет, что предательство было законодательно закреплено в нормах права «как деяние, совершенное ... в ущерб государственным интересам». При Петре I оно приобрело более широкое распространение, суть его сводилась к несогласию предателя с мнением власти. Правда, алгоритм его рассмотрения был аналогичен прошлым эпохам, выражался следующей последовательностью: «несогласие с властной директивой – апелляция к закону – вынесение на его основе вердикта – репрессия» [Безсолицина, 2008, 17]. В Советском Союзе, в 1920-х – 1940-х гг., изучаемый нами концепт приобрел политическое, нормативно-правовое закрепление и серьезно сказался на жизни многих советских граждан.

Особого внимания в контексте анализируемой нами проблемы заслуживают годы Великой Отечественной войны. Так, о примерах коллаборации пишут: Д.А. Жуков, И.И. Ковтун, Б.Н. Ковалев и другие ученые. По их мнению, в ходе той войны часть наших соотечественников выступила с оружием в руках против своего народа и государства. Исследователи классифицируют бывших советских граждан, ставших сотрудничать с врагом, по трем группам.

В первую группу входят те лица, которыми советская власть воспринималась как агрессивная и навязанная извне, покушавшаяся на издавна существующие национально-политические и религиозные устои, традиции и обычаи. Это коренные представители Крыма, Кавказа, среднеазиатских народов, казаков, уроженцы Прибалтики, Белоруссии и Западной Украины. Гитлеровцы умело играли на их национальных чувствах и, надо сказать, добивались значительных успехов. По мнению И. Хоффмана, общая численность сформированных гитлеровцами подразделений составляла порядка 53 тысяч человек [Александров, 2005, 143-144].

Известный публицист Л.М. Млечин пишет о коллаборационистах трех бывших прибалтийских республик, где отмечает, что они «успели возненавидеть НКВД и Красную Армию после присоединения их к Советскому Союзу». Поэтому к приходу гитлеровцев у них сформировалось устойчивое ощущение духовной связи и идеологического родства с германскими нацистами. В архивах сохранилось обращение к немецкому командованию руководителей школы «Омакайтсе». В нем эстонцы Й. Соодла и Я. Майде берут на себя обязательство «вместе с немецкими военными и полицейскими силами выловить и физически истребить партизан, разыскать всех коммунистов и им сочувствующих...» [Вооруженное

националистическое подполье в Эстонии в 40-50-х годах, 1990, 170-172]. Они сдержали свое обещание: к ноябрю 1941 г. провели 5033 облавы, арестовали 41135 и казнили более 7357 человек.

В показаниях одного из руководителей германской военной разведки (Абвера) полковника Эрвина Штольце от 29 мая 1945 года на вопрос об участии украинских националистов в борьбе с партизанским движением и партийным подпольем на оккупированной немцами Украине прозвучал ответ, что Абвер активно использовал их в ходе всей войны с Советским Союзом.

В «Дневнике немецкого солдата» Гельмута Пабста, офицера связи артиллерийской части группы армии «Центр», дается следующая характеристика молодым украинцам из Галиции «...они хорошие ребята, храбрые, отчаянные и полные ненависти. Как раз то, что нам нужно». Автор характеризует их как отличных «истребителей партизан» [Гельмут Пабст, 2004]. Преданность этих «героев» настолько воодушевила немцев, что во время своего бегства с СССР глава Абвера адмирал В.Ф. Канарис лично дал указание о создании и поддержании националистических отрядов «для продолжения борьбы с Советской властью, проведения террора, диверсий и шпионажа» [Артизов, 2012].

Второй группой коллаборантов являются военнослужащие РККА, попавшие в плен в ходе неудачных для нас сражений в начальном периоде Великой Отечественной войны. О причинах их перехода на службу к врагу достаточно подробно рассказал на допросе полковник немецкой армии Э.В. фон Рентельн: «Военнопленные содержались в чрезвычайно тяжелых условиях. Люди поголовно были завшивлены, свирепствовал сыпной тиф, питание было исключительно плохим... Советские военнопленные были обречены на уничтожение». После получения соответствующего приказа, Рентельн перед строем военнопленных объявил, что «если они хотят сохранить себе жизнь, то могут поступить на службу в немецкую армию». Н. Бетелл, в своей книге «Последняя тайна», говорит, «русские, становились перед страшным выбором: либо присоединиться к немцам, либо быть расстрелянным на месте». Предложение служить фашистскому «рейху», как мы понимаем, было вызвано трудностями оккупантов в людских ресурсах на фронте. Перешедшие на сторону врага, военную форму, носили без знаков различия, использовались для выполнения вспомогательных функций: шоферов, ездовых, механиков, работников мастерских и т.д. [Скорцени, 1999, 28].

Из сказанного следует, что в период с 1941 по 1945 год:

1. Красноармейцы видели (своими глазами) огромные людские потери, стремительно-фанатичное продвижение фашистов в глубь территории СССР. Враг ничем не считался, в том числе и своими людьми. Начальник генштаба сухопутных войск Германии генерал Франц Гальдер в своем «Военном дневнике» пишет, что на 30 ноября 1941 года потери сухопутных войск на Восточном фронте составили 743 112 человек, или 23,12% их общей численности. Остро встал вопрос: срочно нужны людские резервы.

2. Положение врага усугублялось стремительным увеличением числа на оккупированной территории партизанских объединений, что воспринималось как «предсмертные конвульсии советской власти».

3. Среди перешедших на сторону врага были те, чьи родственники либо они сами были репрессированы Советской властью, и решившие, используя германское вторжение, чтобы «поквитаться» с нею.

4. Попавшие в плен красноармейцы были объединены в «роты» и «батальоны», использовались преимущественно для выполнения хозяйственных, неквалифицированных работ, разложения Красной Армии, демонстрации привлекательности идей Гитлера и его

единомышленников.

5 Примеры предательства были обусловлены: стремлением к сохранению своей жизни, реализацией желания вернуть политические и социальные привилегии, утраченные материальные возможности («ловя рыбу в мутной воде» военного «беспредела») [Васильев, 1994].

Суть предательства этими людьми заключалась в том, что они, несмотря ни на что, не испытывали должной связи с советской родиной, а принципы и убеждения их были достаточно зыбкими, и, как показывают примеры истории, не выдержали первого же серьезного испытания.

В дальнейшем во многих «просыпался зверь», обязывающий для самоутверждения проявлять такую жестокость, такую брезгливость и презрение к тем, кто не «наверху», а напротив, находится в нужде, горе и унижении, что это вызывало у многих немецких офицеров ужас. В обвинительном заключении на процессе карателей из «зондеркоманды СС-10-А», чинимых террор на оккупированной территории, 14 июня 1943 года отмечалось, что все они «стремились любыми средствами сохранить жизнь» [Бастрыкин, 2015]. Главным орудием гитлеровцев в такой работе был насаждаемый страх. Это облегчало вербовку, а в дальнейшем раболепство и добросовестность в службе оккупационному режиму побежденных народов. «Находясь под пятой оккупанта», многие из предателей весьма старательно выполняли самую «грязную работу» [Гинзбург, 1985].

Современные примеры социального феномена «предательство» обусловлены такими аспектами, как экономический, информационный, военно-идеологический и духовно-нравственный, принципиально отличаются от режима суровых военных лет 1941-1945 гг.

Проведя сравнение примеров социального феномена «предательство» в прошлом и настоящем, можно увидеть много общего. В частности, что среди перешедших на сторону врага современных калобарантов есть те, кто презрел интересы своего Отечества. А используемые ими с учетом имеющихся технических возможностей риторика и методы действий, в сравнении с предателями Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, позволяет прийти к пониманию, что особых изменений их защитные реакции не претерпели и оригинальностью не отличаются. Они (испуганты, релаканты), как и ранее, стремятся избежать мобилизации, «пересидеть» «тяжелые» времена (не важно, «за кордоном» или на даче) под личиной поиска работы или туризма в ближнем и дальнем зарубежье. Главное, устремиться от участия в «бессмысленной» войне и «сохранить свою жизнь...» и т.д. А Родину должны защищать некие «профессионалы», к которым они по определению себя не причисляют. Так, значительная часть отечественного либерального сообщества с наступлением сложной внешнеполитической ситуации продемонстрировала свою политическую позицию, в которой демонстрировалась инфантильность и безразличие к судьбе страны. А некоторые из их числа и вовсе встали на путь откровенно враждебного и агрессивного поведения по отношению к российской власти. С завидной последовательностью и нескрываемой злобой они приступили к шельмованию и злобной критике принимаемых Президентом и Правительством России решений. Современные предатели «обливают грязью» свою собственную страну, ее народ, историю и духовно-нравственные ценности. Являясь действенным «рычагом» прозападной аппозиции, они позиционируют себя подлинными космополитами, «гражданами мира».

Эту ситуацию. Достаточно убедительно прокомментировал Президент РФ В.В. Путин. Он отметил, «что Запад будет пытаться расшатать и расколоть наше общество, делая ставку на национал-предателей, у которых во все времена... – один и тот же яд презрения к своему собственному Отечеству и желание заработать на продаже этой отравы тем, кто готов за это

заплатить...» [Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г., www].

Общим с историческими примерами прошлого у современных предателей проявляют, вполне осознаваемые, желаемые и намеренно к ним стремящиеся действия, оправдываемые обстоятельствами, большим соблазном, «игрой, стоящей свеч», а порой и надеждой на безнаказанность и «авось». Конституция РФ (ст. 59) и другие нормативные документы обязывают граждан быть готовыми встать на защиту своей родины и отвергают саму мысль о допущении предательства. К.К. Платонов на этот счет высказал весьма справедливую мысль: «Пока закон не нарушается, он может не обнаруживать себя». Уголовный кодекс Российской Федерации предательство относит к действиям, имеющим конкретно преступный умысел, суть которого заключается в емкой характеристике – государственная измена (ст. 275).

В.В. Крамник, Г.И. Вайнштейн, М.М. Назаров и др. считают, что изучаемая нами проблема нередко кроется в самом обществе, которое и выступает его провокатором. Я.И. Гилинский, А.Ф. Кони, С.В. Познышев и др., изучая подобные явления, отмечают, что, «помимо вещественных, необходимо подвергать анализу и нравственные улики», они могут иметь существенный интерес для понимания процессов, происходящих в психологии личности [Дубинин, Кирпец, Кудрявцев, 1989, 294]. Э. Фром и др. указывают, что симпатии к врагу могут быть вызваны неспособностью власти удовлетворить глубинные психологические потребности и чаяния людей. Поэтому-то современные предатели и возлагают свои ожидания на врага, прибегая к нетрадиционным формам политического поведения.

Имеющиеся в прошлом примеры осуждения и наказания за измену не останавливают изменников. С. Московичи, С.Д. Гуриева объясняют это тем, что современное предательство обличено особой формой знания, либеральными мотивами, в активизации которых выступают объективированные представления так называемого «здравого смысла», заложенного в сознание ранее, где оно преобразовалось в деструктивные психологические установки, проникли в структуру «ценностного ядра личности», там укоренились, и проявляет себя по принципу «капля камень точит». Примером того могут послужить критические выступления известного отечественного телеведущего передачи «Бесогон» Н.С. Михалкова.

Мы, как и авторы анализируемых нами источников, уверены, что психологическую основу таких форм поведения предатели разных эпох получали на ранних этапах своей социализации, в том числе в семейном воспитании. А реализуют они свой опыт с наступлением эсхатологических условий жизни: «Тогда соблазняются многие, и друг друга будут предавать» (Мф. 24:10). Поэтому в анализе социального феномена «предательство» мы опирались на общее, особенное и единичное в их единстве. При этом единство общего и единичного позволило нам выявить психологические смыслы доминирующего проявления особенного. В результате этого мы пришли к пониманию глубинных болезненных корней социального феномена «предательство». Понять то, что деструктивного опыт прошлого разрушает весьма важный в социальных взаимоотношениях человека аспект – доверие [Купрейченко, 2008].

А.Б. Купрейченко, С.Д. Гуриева, М.М. Борисова и другие исследователи проявления такого опыта, стереотипизируют с оставшимися в памяти следами – «негативными эмоциональными штампами», которые активизируют оценочные реакции своего «Я». Мы считаем, что в ответ на агрессию в человеке зарождается «злость». Именно она заставляет его проявлять социально нежелательную активность («бей», «беги» или «замри»). Правда предателя заключается в том, что осознание им своей «злости» позволяет понять, что её не должно быть. Происходит демонизация обидчика, из-за которого он вынужден так поступить. Это мотивирует его, осмыслив вдруг возникшую потребность, через «ценностное ядро личности» обратиться к

ментальным моделям «прошлого опыта». Выявив наиболее подходящую из них, предатель агрессивен, «выплескивает» свою злость на других, чтобы, во-первых, избавиться от ее тяжести; во-вторых, поступаясь и пренебрегая моральной ответственностью, как бы освободить предаваемых людей от неизбежных мучений, взяв взамен «венец» всеми гонимого и презираемого страдальца.

Дж. Фрейд, Н.Ф. Алефиренко, А.Л. Хенсли, У.А. Савельева и др. в своих исследованиях подтверждают описываемую выше симптоматику, провоцирующую социально нежелательное действия, которые вызываются «предательской слепотой». Такой опыт бывает достаточно «коварен», он нередко «травмирует» (терзает) сознание, [Фрейд Дж., Биррел, 2013, 23]. Это происходит в результате активизировавшихся в памяти биологических и психосоциальных воспоминаний, вызывающих такой силы реакции, которые оставляют в памяти глубокий «архетипический след». Он влияет на прежнюю систему взаимоотношений с социальным окружением. Провоцирует психологические расстройства карающего характера.

То есть эсхаластическая (экстремальная) ситуация обязывает человека обратиться к архетипическим моделям «древних авторитетов» (чаще всего по родовой линии), которые являются по сути «скелетом в шкафу», «психологической инфекцией», «медвежьей услугой». Т.А. Полетаева считает его парадигмальным, неизбежно узнаваемым основанием, которое в психологии личности называется каузальной атрибуцией. Именно такая реакция на раздражитель обеспечивает активизацию потребности в выживании, приводит в итоге к нежелательным последствиям.

Как же предупредить такого рода нежелательность? Мы считаем, что подобную работу нужно проводить преимущественно (как и библейский Моисей) с представителями молодого поколения граждан России, воспитывая их с раннего детства как подлинных патриотов Отечества. При этом воспитатель должен помнить всегда о важнейшем принципе патриотического воспитания: «из истории брать огонь, а не пепел».

Заключение

Проведенный нами анализ указывает на то, что успех той или иной идеологии (системы образования) зависит от того, насколько она способна затронуть глубокие психологические потребности и чаяния людей. Поэтому, если человеческая мысль социально-ожидаемой нормы не укоренена в базовых структурах «ценностного ядра личности», то она представляет из себя лишь «пустую оболочку» (Э. Фром), чье-то субъективное мнение, некую мыслительную флуктуацию, легко принимаемую и с такую же легкостью отвергаемую в экстремальной ситуации, для обеспечения собственной безопасности и личного благополучия. Поэтому при взгляде на личность предателя когнитивный фон его социального проявления в значительной степени определяется психологическими аспектами «ценностного ядра личности», формируемого авторитетным социальным окружением как одобряемый стиль поведения, в котором есть свой смысл и ответственность. Игнорирование же социальных нормы позволяет усвоить деструктивные установки, а это значит «заложить мину», которая непременно активизируется в будущем.

Предательство – это феномен, обусловленный не только «трудными временами», неблагоприятным стечением обстоятельств, но и отсутствием сознательного всестороннего и глубокого усвоения личностью идеалов и ценностей, определяющих содержание существующей политической системы. Другими словами, социальный феномен

«предательство» однозначно является морально деструктивным действием, а предатель – человеком, пренебрегающим утвержденными обществом нормы и правила социального поведения.

Под социальным феноменом предательства мы понимаем сложное социально-нежелательное решение, сознательно принятое человеком в нарушение данной ранее клятвы, присяги или другого обязательства, отказ от которых провоцирует его на действия, связанные с необходимостью служить врагу, совершение поступков, способствующих созданию социально-психологической ситуации, основанной на измене самому себе, близким и своему сообществу; формирует в сознании личности психологически значимые каузальные атрибуции (изменяет «картину мира»), влияющие на последующие формы межличностных взаимоотношений как с ранее враждебным социальным окружением, так и с бывшими соотечественниками.

Библиография

1. Александров Г.А. Военнопленные из республик Поволжья на службе вермахта // Вопросы истории. 2005. № 10. С. 143-144.
2. Артизов А.Н. (ред.) Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы: в 2 т. Т. 1: 1939–1943. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 878 с.
3. Бастрыкин А.И. (ред.) Трагедия юго-востока Украины. Белая книга преступлений. 2-е изд., доп. М., 2015. 368 с.
4. Безсолицина Т.В. Феномен предательства в русской культуре: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2008. 23 с.
5. Васильев А.Н. В час дня, ваше превосходительство. М.: Воениздат, 1994.
6. Вооруженное националистическое подполье в Эстонии в 40-50-х годах // Известия ЦК КПСС. 1990. № 8. С. 170-172.
7. Гельмут Пабст. Дневник немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте. 1941-1943 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 186 с.
8. Гинзбург Л. Избранное. М.: Советский писатель, 1985.
9. Дубинин Н.П., Кирпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1989. 351 с.
10. Коран. 2003. Смысловой перевод Б.Я. Шидфар. М.: Умма, 2003. 687 с.
11. Купрейченко А.Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008. 564 с.
12. Лопухин (ред.) Толковая Библия. В 7 т. Дарь, 2015.
13. Полетаева Т.А. Концепт «предательство» в Библии и Коране (в русскоязычном и англоязычном переводах) // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 37. № 3. С. 429-441.
14. Послание Президента Российской Федерации от 21.02.2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010>.
15. Скорцени О. Секретные задания. М.: АСТ; Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 374 с.
16. Фрейд Дж., Биррел П. Психология предательства и измены. СПб, 2013. 192 с.

The social phenomenon of "betrayal": psychological and political aspects of the traitor's personality

Aleksandr I. Lozhkarev

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of philosophy and humanities,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
620062, 22 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: lozhkarev952@mail.ru

Igor' I. Savich

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of philosophy and humanities,
Ural Institute of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
620062, 22 Mira str., Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: igor_savich66@mail.ru

Abstract

The article provides a review of religious, legal, historical and other scientific sources on the stated issues, and analyzes various aspects of the social phenomenon “betrayal”. Significant coincidences of conceptual and figurative features of this phenomenon in the past and present are demonstrated. The results of domestic and foreign research are analyzed to find an answer regarding the reasons that allow a person to commit treason and find an excuse for what he has done. The multiple meanings and figurative expressions of the social phenomenon “betrayal” are examined using the examples of the Second World War and the events taking place in modern Russia. It is concluded that the social phenomenon of “betrayal” is a complex socially undesirable decision, consciously made by a person in violation of a previously given oath, oath or other obligation, the refusal of which provokes him to actions associated with the need to serve the enemy, committing acts that contribute to the creation of social a psychological situation based on betrayal of oneself, loved ones and one’s community; forms in the consciousness of the individual psychologically significant causal attributions (changes the “picture of the world”), influencing subsequent forms of interpersonal relationships both with a previously hostile social environment and with former compatriots.

For citation

Lozhkarev A.I., Savich I.I. (2024) Sotsial'nyi fenomen predatel'stva:psikhologo-politicheskie aspekty lichnosti predatelya [The social phenomenon of "betrayal":psychological and political aspects of the traitor's personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 13 (1A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2024.45.16.018

Keywords

Era of «hard times», cooperation, service to the enemy, collaboration, betrayal.

References

1. Aleksandrov G.A. (2005) Voennoplennye iz respublik Povolzh'ya na sluzhbe vermakhta [Prisoners of war from the Volga republics in the service of the Wehrmacht]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 10, pp. 143-144.
2. Artizov A.N. (ed.) (2012) *Ukrainskie natsionalisticheskie organizatsii v gody Vtoroi mirovoi voiny. Dokumenty: v 2 t. T. 1: 1939–1943* [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documents: in 2 volumes. Vol. 1: 1939–1943]. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
3. Bastrykin A.I. (ed.) (2015) *Tragediya yugo-vostoka Ukrainy. Belaya knigaprestuplenii* [The tragedy of the south-east of Ukraine. White Book of Crimes], 2nd. Moscow.
4. Bezsolitsina T.V. (2008) *Fenomen predatel'stva v russkoi kul'ture. Dokt. Diss. Abstract* [The phenomenon of betrayal in Russian culture. Doct. Diss. Abstract]. Saint Petersburg.
5. Dubinin N.P., Kirpets I.I., Kudryavtsev V.N. (1989) *Genetika, povedenie, otvetstvennost'. O prirode*

-
- antiobshchestvennykh postupkov i putyakh ikh preduprezhdeniya* [Genetics, behavior, responsibility. About the nature of antisocial acts and ways to prevent them], 2nd ed. Moscow: Politizdat Publ.
6. Freud J., Birrell P. (2013) *Psikhologiya predatel'stva i izmeny* [Psychology of betrayal and betrayal]. Saint Petersburg.
 7. Ginzburg L. (1985) *Izbrannoe* [Favorites] МШЫСШЦ: Sovetskii pisatel', Згидю
 8. Helmut Pabst (2004) *Dnevnik nemetskogo soldata. Voennye budni na Vostochnom fronte. 1941-1943* [Diary of a German soldier. Military everyday life on the Eastern Front. 1941-1943]. Moscow: ZAO Tsentropoligraf Publ.
 9. *Koran* (2003). M.: Umma Publ.
 10. Kupreichenko A.B. (2008) *Psikhologiya doveriya i nedoveriya* [Psychology of trust and mistrust]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
 11. Lopukhin (ed.) (2015) *Tolkovaya Bibliya. V 7 t.* [Explanatory Bible. In 7 vols.] Dar" Publ.
 12. Poletaeva T.A. (2018) Kontsept «predatel'stvo» v biblii i Korane (v russkoyazychnom i angloyazychnom perevodakh) [The concept of "betrayal" in the Bible and the Koran (in Russian and English translations)]. *Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [Scientific bulletins. Series "Humanities"], 37 (3), pp. 429-441.
 13. *Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 21.02.2023 g.* [Message from the President of the Russian Federation dated February 21, 2023] Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> [Accessed 12/01/2024].
 14. Skorzeny O. (1999) *Sekretnye zadaniya* [Secret missions]. Moscow: AST; Rostov-na-Donu: Feniks Publ.
 15. Vasil'ev A.N. (1994) *V chas dnya, vashe prevoskhoditel'stvo* [At one o'clock in the afternoon, Your Excellency]. Moscow: Voenizdat Publ.
 16. Vooruzhennoe natsionalisticheskoe podpol'e v Estonii v 40-50-kh godakh [Armed nationalist underground in Estonia in the 40-50s] (1990). *Izvestiya TsK KPSS* [News of the CPSU Central Committee], 8, pp. 170-172.